

ЧУЖДИ АВТОРИ / FOREIGN AUTHORS**ЛОГИКА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В
КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ***Шаптала Наталия Константиновна***LOGIC OF EVALUATION OF EVIDENCE IN
CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCESS***Shaptala Natalia Konstantinovna*

Abstract: *The article is devoted to the study of the philosophical and legal dimensions of the logic of assessing evidence in the constitutional litigation and its impact on the adoption of a fair and justified judicial decision.*

Particular attention is paid to the definition of general principles and differences in the ideological and functional specifics of the logic of assessing evidence in the activities of the body of constitutional jurisdiction to protect the rights and fundamental freedoms of man and citizen.

According to the results of the research, the author concludes that the tasks of modernity require a new understanding of logic in the field of constitutional procedural law, especially with regard to the evaluation of evidence as the basis for a correct, justified and fair judicial decision.

Key words: *version, hypothesis, logic, dissenting opinion, evaluation of evidence, relevance, deliberate sweep.*

В юридической литературе проблемы, связанные с функционированием институтов конституционного судебного контроля, исследовались многими украинскими и болгарскими учеными-правоведами, в частности: С. Баламезовым, О. Бандурой, Ю. Баулиным, В. Бойко, Л. Владикиным, П. Водопьяновым, В. Ганевым, Ю. Грошевым, П. Джидровычем, Н. Дроздовычем, А. Дубинским, Н. Клименко, О.Кони, В. Коноваловой, М. Костицким, Н. Кушаковой-Костицкой, А. Лазаревичем, В. Маляренко, П. Рабиновичем, А. Селивановым, М. Серым, И. Слиденко, П. Стайновым, В. Стёпиным, Ф. Храмцовой, Й. Фаденхехтом, С. Шевчуком, В. Шепитько, Д. Широкановым и многими другими.

Однако, несмотря на значительное количество публикаций и научных работ, отдельные актуальные вопросы, в частности, философско-правового определения онтологического и аксиологического содержания логики оценки доказательств в конституционном судебном процессе все еще остаются малоисследованными.

Целями и задачами исследования являются:

– определение философско-правовых измерений логики оценки доказательств в конституционном судебном процессе, их влияния на принятие справедливого и обоснованного решения;
– выявление общих принципов и различий мировоззренческой и функциональной специфики логики оценки доказательств, как важного фактора деятельности органа конституционной юрисдикции по защите прав и основных свобод человека.

Изложение основного материала

Согласно Большому толковому словарю современного украинского языка: «логика – это наука о законах и разновидностях мышления, способах познания истинности знаний и суждений». Классическая логика – совокупность логических теорий, характеризующих классическую оценку истинных значений доказательств, которая заключается в том, что главная интерпретация рассматривается как придание каждому

доказательству одного из двух значений – „истинное“ или „ложное“. Другие интерпретации допускаются, но считаются искусственными. Классическое понимание отрицания основывается на признании положения, согласно которому двойное отрицание равносильно утверждению [1, с. 625].

В научных кругах существуют и другие определения этой философско-психологической категории. Например, в учебнике для студентов высших учебных заведений утверждается, что логика это:

– во-первых, – наука о законах и формах мышления, методах познания и условиях установления истинности знаний и суждений. Формальная логика – это логика, основанная на формальных утверждениях, в противовес логике, основанной на значениях, ее составляющей является классическая логика, принципы и методология которой интенсивно исследовались и наиболее широко использовались;

– во-вторых, – общее название для более или менее формализованных суждений, знаний и, возможно, правил представления новых суждений;

– в-третьих, – определенная элементная база, которая характеризуется специфической технологией ее формирования и способами применения (модальная, пороговая и математическая);

– в-четвертых, – это внутренняя закономерность, которая определяет правильность и разумность выводов;

– в-пятых, – это совокупность чьих-либо взглядов или построенных рассуждений, умозаключений, упорядоченных идей или выводов на эмоциональной основе (женская, аффективная, психическая и т.д.) [4, с. 6].

По определению профессора А.Ишмурадова – дисциплиной «Логика» объединяются разные ее виды:

– теоретическая, которая состоит из теории доказательств, теории анализа (аналитики) и формальной семантики;

– практическая, в состав которой входят логика действий, логика решений, эвристика, праксеология, конфликтология;

– философская, которая включает в себя онтологию, эстетику, этику (логику оценок, норм, императивов), философию права, политики и идеологии, а также принципы аналитической философии;

– логический анализ языка, состоящий из теорий коммуникаций, аргументации, речевых актов, анализа и дискуссий, риторики, семиотики;

– логика информационных технологий, в которую входят когнитология, логико-когнитивный анализ, компьютерная логика, логическое программирование и, искусственный интеллект [2, с. 15 – 16].

Профессор В.Титов считает, что логика подчиняется общим правилам и принципам рассуждения. «Рассуждать логически правильно, – на его взгляд, – это – значит рассуждать в соответствии с принципами традиционной логики, к которым относятся:

– принцип тождественности, согласно которому «нельзя отождествлять различающиеся мысли и нельзя тождественные мысли принимать за различающиеся»;

– принцип непротиворечивости (лат. *lex contradictionis*), согласно которому: два противоположных высказывания не являются одновременно истинными, одно из них непременно ложное;

– принцип исключения третьего (лат. *tertium non datur* – «третьего не дано»), который заключается в том, что из двух высказываний – «А» или «не А» – одно обязательно является истинным, то есть два суждения, одно из которых является отрицанием другого, не могут быть одновременно ложными;

– принцип достаточного основания (англ. *principle of sufficient reason*), который обеспечивает обоснованность и доказательность мышления, требуя, чтобы мысли были внутренне связаны друг с другом [4, с. 9–10].

В то же время, пишет профессор В.Титов, следует отличать логический вывод от умышленного выверта. В американской литературе в области логики, – отмечает ученый, – стал хрестоматийным пример такого выверта, использованного в полемике против Пеппера, кандидата в сенаторы штата Флорида, в результате чего тот потерпел поражение на выборах. Его противник заявил: «... все в ФБР и каждый член Конгресса знают, что Клод Пеппер бесстыдный экстраверт. Более того, есть основания полагать, что он практикует непотизм по отношению к племяннице, сестра его была феспиянкою в греховном Нью-Йорке. Наконец, хорошо известно, что до женитьбы Пеппер практиковал целибат».

Для обычного человека эта характеристика звучит ужасно. Однако для человека, знакомого со значением терминов, использованных в данном провокационном обвинении, понятно, что оно не несет никакого негативного смысла, так, как экстраверт что это открытый, общительный человек, непотизм – покровительство над родствен-

никами, феспиянка – поклонница драматического искусства, целибат – безбрачие. Обвинять человека в том, что он общительный, помогает родственникам, что его сестра любит театр, а сам он до женитьбы был холостяком – просто бессмысленно» [4, с. 199].

Представленные научные определения логики как философско-психологического феномена, безусловно, имеют право на существование и изучение, однако следует отметить, что они не в полной мере отображают ее роль в современном судебном процессе. Вызовы современности требуют нового понимания логики в сфере процессуального права, особенно в части оценки доказательств, как основы объективного, обоснованного и справедливого судебного решения.

В этой связи, на наш взгляд, следует обратить внимание на концепцию «логической релевантности», хотя следует отметить, что ее положения воспринимаются в научных кругах неоднозначно.

В частности, объясняя ее смысл, профессор права Северо-западного университета (США) Р. Аллен отмечает, – что это реляционная концепция, поскольку она определяет, что ни одно доказательство при отсутствии его логической связи с другими и с фактом, который устанавливается, не является актуальным само по себе» [14, р. 898]. «Другое определение, – продолжает ученый, – содержится в Федеральном правиле доказательств Соединенных Штатов (арт. 401), согласно которому доказательства актуальные (релевантные), если «они имеют тенденцию делать факт более или менее вероятным, чем это было бы без этих доказательств». При этом понятие «вероятно» в этих и других стандартных определениях иногда трактуется, как имеющее математическое значение вероятности» [14, р. 899].

Как отмечал по этому поводу профессор Стаффордширского университета (Англия) Д. МакКримон, – понятие релевантности, широко известно, как «логическое значение». По его мнению, это несколько неправильное толкование, поскольку возникает соблазн считать, что определения релевантности как «логического значения» вытекают из логической теории вероятности. Однако, в юриспруденции «логика» используется самостоятельно и относится к категории убеждений или обобщений, а также к такому типу соображений, которыми судьи или юристы пользуются в определении как «здравый смысл» [16, р. 1441].

Нормы федерального права и немало правовых норм штатов, – отмечает профессор права

Университета города Громинген (Нидерланды) Н. Праккен, – предусматривают достаточно высокие критерии оценки доказательности, поскольку релевантное (обоснованное, уместное) доказательство «оказывает большее влияние на формирование уверенности в существовании тех или иных фактов, чем если она была без этого доказательства». Однако, применяя мерилу фактической релевантности, необходимо учитывать и другие факторы, прежде всего угрозу возникновения «ложной предвзятости». В соответствии с правовыми нормами штатов, релевантное доказательство «могут изъять, если степень его доказательности меньше, чем угроза недобросовестной предвзятости, смешивания фактов в доказывании, заблуждения присяжных, рассмотрения неправомерных отсрочек путем представления лишних доказательств» [15, р. 136].

Релевантность, как отмечается в *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, «является делом логики, а не закона», однако это не означает, что соответствие полученного результата желаемому не имеет правового измерения. Закон различает вопросы права и вопросы факта. При этом правовое определение считается логической, а не юридической концепцией в том смысле, что, оценивая доказательства, судья обязательно полагается на внесудебные ресурсы и не является связанным юридическими прецедентами [17].

Таким образом, на наш взгляд, есть основания полагать, что, хотя процесс оценки доказательств не является чисто научным, в контексте того, что не имеет целью познание закономерностей физических и социальных условий их возникновения, однако, познавательная умственная деятельность субъекта доказывания по выявлению или подтверждения фактов, обстоятельств или явлений действительности, *de facto* осуществляется с применением формальной логики и других категорий науки философии права.

Оценка доказательств, – как справедливо замечает С. Семенко, – включает два аспекта: удостоверяющий и логический, первый, состоит из процедурных правил получения доказательств, установленных законом для гарантии достоверности полученной информации, второй, – предусматривает использование закономерностей и законов логики для обоснования решения по делу на основании полученной информации [12, с. 160].

Следует также отметить, что, хотя логика оценки доказательств основывается на общих принципах, эта деятельность в каждом виде процессуального права имеет свою специфику, что

обусловлено, прежде всего, объектом, задачей доказывания, а также кругом его субъектов, процессуальными сроками и процессуальной формой.

Так, в отличие от судов общей юрисдикции, доказывание в отечественном конституционном процессе представляет собой совокупность практической и умственной деятельности исключительно судей, результаты которой оформляются в виде акта (решения, заключение, определение) коллегиального органа Конституционного Суда Украины (далее – КСУ, Суд) (Большая палата, Сенат, Коллегия).

С точки зрения формальной логики получению знаний о принадлежности, допустимости и достоверности каждого доказательства в любом судебном процессе предшествует выдвижения гипотез (версий), а сама оценка является результатом их подтверждения или опровержения, который субъект доказывания получает путем мыслительных операций (анализа, синтеза, сравнения и тому подобное). Однако нельзя отрицать то, что конечной целью этой деятельности является использование полученных знаний для решения задач, которые стоят перед судом в каждом конкретном деле (уголовном, хозяйственном, административном и т.д.).

«Предметом версий, – пишет В. Титов, – есть отдельные единичные явления и факты, порой совершенно незначительные. Как правило, версии выдвигают не с целью открытия той или иной закономерности, а для того, чтобы объяснить какое-то отдельное, неповторимое единичное событие или единичный факт» [4, с. 124].

Относительно конституционного судебного процесса главная задача оценки доказательств состоит в решении вопросов соответствия или несоответствия определенных нормативных актов или их отдельных положений, как по содержанию, так и по процедуре их рассмотрения, принятия или вступления в силу, нормам Конституции (конституционности или не конституционности).

То есть речь идет о классической оценке истинных значений доказательств, которая, как отмечалось выше, заключается в том, что главная интерпретация рассматривается как придание каждому из доказательства одного из двух значений – «истинное» или «ложное». При этом, исходя из концепции философского монизма, согласно которой взаимосвязь явлений является наиболее общей закономерностью существования окружающего мира. Логика же оценки доказательств в конституционном судебном процессе

состоит, кроме классической оценки доказательств и в определении этих связей по условной схеме «конституция – закон – подзаконный акт – человек».

Прежде всего, следует отметить, – пишет Н.Козюбра, – что ... творчество суда (конституционного) в данном случае сводится к применению чисто логических умозаключений – дедукции, индукции, аналогии и т.д., для выяснения намерений (мысли, воли) законодателя или даже к познанию «истинного смысла текста закона или иного нормативного акта» [3, с. 177].

Однако некоторые авторы в своих стремлениях «препарировать» деятельность КСУ, проводя свои исследования ссылаются даже на стенограммы заседаний Суда, которые, мягко говоря, не являются документами прямой доступности, и такие ссылки могут вызывать вопрос не только у читателей ресурса.

Как видно из стенограмм заседаний Конституционного Суда, – утверждают эти авторы, – на заседаниях неоднократно употреблялся сам термин «логика»: «обычная логика», «вопреки логике», «логическая форма мышления». Использовались и специальные логические термины: «определение», «тезис», «доказательство», «аргументы», «основание», «вывод» («выводы»). Делались ссылки на законы и требования логики: говорилось о «подмене тезиса» (закон тождества). Указывались на логические противоречия в суждениях сторон (закон противоречия), применялось требование «или – или» (закон исключенного третьего), говорилось про «достаточные основания» для выводов (закон достаточного основания) [5].

По этому поводу следует отметить, что: во-первых, согласно Закону о КСУ выступления судей КСУ в закрытой части пленарного заседания Большой палаты или Сената являются служебной информацией и не могут быть разглашены (ч. 9 ст. 66, ч. 9 ст. 67). Поэтому непонятно откуда авторы публикации получили такую информацию.

Во-вторых, для анализа деятельности Суда есть законные способы получения информации, а именно: оценка логики формирования, как юридической позиции Суда, так и положений его заключительного акта.

Такой анализ можно сделать, используя тексты судебных решений, которые являются результатом работы судей на закрытой части пленарного заседания Большой Палаты или Сената. А также путем анализа «Отдельного мнения судьи»

У судьи КСУ, не смотря на коллегиальность органа конституционной юрисдикции, существуют возможности высказать свое отношение к юридической позиции, которая формируется Судом:

– предоставив свои предложения, которые должны быть рассмотрены судьей докладчиком, коллегиями, сенатами или Большой палатой и или учтены, или отклонены по результатам голосования;

– путем персонального голосования «за» или «против»;

– в Отдельном мнении, которое излагается в письменной форме, прилагаемой к соответствующему акту суда и без промедления, публикуется на его официальном сайте (ч. 2 ст. 93 Закона о КСУ).

При этом судьи, в своей умственной деятельности, как правило, применяют методы как формальной, так и классической логики, например:

– по мнению судьи А. Литвинова, – последовательность практики КСУ, является «вполне логичной, поскольку установление нарушения конституционной процедуры рассмотрения, принятия и вступления в силу законов, по сути, означает, что эти законы не могли состояться как акты высшей юридической силы, а единственным следствием установления такого нарушения является признание по решению суда законов неконституционными полностью, поэтому дальнейший конституционный контроль содержания этих законов лишен смысла» [9];

– судья В. Мойсик отмечает, что положение, согласно которому «основным языком работы, делопроизводства и документации органов государственной власти и органов местного самоуправления является «государственный язык» содержит логико-семантическое противоречие, поскольку понятие «основной язык» и «государственный язык», не тождественны. Так, ни одно из значений прилагательного „основной“ не имеет значения «обязательный» [8];

– логично согласованная демократическая теория, как писал Карл Шмитт, – отмечает С. Шевчук – не знает другой легитимной конституции, чем конституция, основанная на учредительной власти народа [7];

– в-третьих, КСУ аргументируя решение по вопросам, которые рассматриваются, в своих актах зачастую применяет методологию логики как науки о законах и разновидности мышления, способах познания и условиях истинности знаний и суждений, например:

– «системное и логическое толкование положения ст. 155 Конституции Украины „на следующей очередной сессии Верховной Рады Украины“ дает основания для вывода, что его необходимо понимать во взаимосвязи с ч. 1 ст. 158 Основного Закона Украины, согласно которой законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины, который рассматривался Верховной Радой Украины, и закон не был принят, может быть подан в Верховную Раду Украины не ранее чем через год со дня принятия решения по этому законопроекту» [10];

– «анализ содержания конституционного представления дает основания для вывода, что утверждение народных депутатов Украины относительно не конституционности оспариваемых положений законодательства, без логической взаимосвязи с соответствующими статьями Конституции Украины ... есть предположениями. КСУ неоднократно отмечал, что предположение не могут считаться аргументами в подтверждение не конституционности правовых актов или их отдельных положений» [13];

– Гражданский кодекс Украины, «имеет логично выстроенную конструкцию, в частности, в отношении последовательности процедурных действий по рассмотрению и решению вопросов, связанных с привлечением лица к административной ответственности; порядком обжалования постановления судьи по делу об административном правонарушении, принятой по существу; порядком исполнения постановления о наложении административного взыскания» [11].

Выводы

1. Существующие научные определения логики как философско-психологического феномена, безусловно, имеют право на существование и изучение, однако следует отметить, что они не в полной мере отображают ее роль в современном судебном процессе. Вызовы современности требуют нового понимания логики в сфере процессуального права, в том числе конституционного судебного процесса, особенно в части оценки доказательств, как основы объективного, обоснованного и справедливого судебного решения.

2. В юриспруденции «логика» используется самостоятельно и относится к категории убеждений или обобщений, а также к виду соображений, которыми судьи или юристы пользуются в качестве определения «здравый смысл». В этой связи, на наш взгляд, следует обратить внимание на концепцию «логической релевантности», согласно которой ни одно доказательство при от-

сутствии его логической связи с другими и с самим фактом, который устанавливается, не является актуальным само по себе.

3. Главная задача – оценки доказательств в конституционном судебном процессе заключается в решении вопросов соответствия или несоответствия определенных нормативных актов или их отдельных положений, как по содержанию, так и по процедуре их рассмотрения, принятия и вступления в силу, – нормам Конституции Украины (конституционности или не конституционности). То есть речь идет о классической оценке истинности значений доказательств, которая заключается в том, что главная интерпретация рассматривается как придание каждому доказательству одного из двух значений – «истинное» или «ложное».

Література

Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад, голов, ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с. // **Velykyi tлумachnyi slovnyk suchasnoi ukrainskoi movy** (z dod. i dopov.) [Great interpretative dictionary of contemporary Ukrainian language (with additional and additional materials)] / Uklad, holov, red. V. T. Busel. – K.; Ірпін: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 s.

Ішмуратов, А. Т. Вступ до філософської логіки / А. Т. Ішмуратов. – К.: Абрис, 1997. – 350 с. // **Ishmuratov, A.T.** Vstup do filosofskoi lohiky [Introduction to philosophical logic] / A. T. Ishmuratov. – K.: Abrys, 1997. – 350 s.

Козюбра, М. Теорія юридичної аргументації та її особливості в конституційному судочинстві / М. Козюбра // Вісник Конституційного Суду України, 2016. – № 6. – с. 167–180. // **Koziubra, M.** Teoriia yurydychnoi arhumentatsii ta yii osoblyvosti v konstytutsiinomu sudochynstvi [Theory of legal argument and its peculiarities in constitutional proceedings] / M. Koziubra // Visnyk Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy, 2016. – № 6. – s. 167–180.

Логіка. Підручник для студентів вищих навчальних закладів / В. Д. Титов, С. Д. Цалін, О. П. Невельська-Гордєєва та ін.; За заг. ред. проф. В. Д. Титова. – Х.: Право, 2005. – 208 с. // **Lohika.** Pidruchnyk dlia studentiv vyshchikh navchalnykh zakladiv [Logic. The textbook for university students] / V. D. Tytov, S. D. Tsalin, O. P. Nevelska-Hordieieva ta in.; Za zah. red. prof. V. D. Tytova. – Kh.: Pravo, 2005. – 208 s.

Логіка як наука про форми та закони правильного мислення. Значення логіки для юристів: [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ru.osvita.ua/vnz/reports/logika/25245> (HYPERLINK “[http://ru.osvita.ua/vnz/reports/logika/25245%20\(2018\)](http://ru.osvita.ua/vnz/reports/logika/25245%20(2018))” дата доступу HYPERLINK “[http://ru.osvita.ua/vnz/reports/logika/25245%20\(2018\)2018](http://ru.osvita.ua/vnz/reports/logika/25245%20(2018)2018), 09, 15). // **Lohika yak nauka pro formy ta zakony pravylnoho myslennia.** Znachennia lohiky

dlia yurystiv [Logic as a science about the forms and laws of proper thinking. Value of logic for lawyers]: [elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: <http://ru.osvita.ua/vnz/reports/logika/25245> (access date 2018, 09, 05).

«О конституционном судопроизводстве» Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 года № 124-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.01.2017, 2/2451 <H11600013>. // **Zakon Respubliki Belarus «O konstitutsionnom sudoproizvodstve»** [On Constitutional Proceedings] Law of the Republic of Belarus] of 8 yanvary 2014 goda # 124-Z // Natsionalnyi pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus, 13.01.2017, 2/2451 <H11600013>

Окрема думка судді КСУ Шевчука С.В. стосовно від 15 березня 2016 року № 1-рп/2016 // Вісник Конституційного Суду України, 2016. – № 6, стор. 50. // **Okrema dumka suddi KSU Shevchuka S.V.** [Separate opinion of the judge of the KSU Shevchuk S.V.] stosovno Rishennia KSU vid 15 bereznia 2016 roku № 1-rp/2016 // Visnyk Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy, 2016. – № 6, stor. 50.

Окрема думка судді КСУ Мойсика В. Р. стосовно Рішення КСУ від 28 лютого 2018 року № 2-р/2018 // Вісник Конституційного Суду України, 2018, № 2, стор. 153. // **Okrema dumka suddi KSU Moisyka V.R.** [Separate opinion of the judge of the CCU Moisyk V.R.] stosovno Rishennia KSU vid 28 liutoho 2018 roku № 2-r/2018 // Visnyk Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy, 2018, № 2, stor. 153.

Окрема думка судді КСУ Литвинова О. М. стосовно Рішення КСУ від 26 квітня 2018 року № № 4-р/2018: [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/na04d710-18> (дата доступу 2018, 09, 05). // **Okrema dumka suddi KSU Lytvynova O.M.** [A separate opinion of the judge of the KSU Litvinova O.M.] stosovno Rishennia KSU vid 26 kvitnia 2018 roku № № 4-r/2018: [elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/na04d710-18> (access date 2018, 09, 05).

Рішення КСУ від 15 березня 2016 року № 1-рп/2016 // Вісник Конституційного Суду України, 2016, № 6, стор. 9. // **Rishennia KSU vid 15 bereznia 2016 roku № 1-rp/2016** [Decision of the CCU of March 15, 2016, No. 1-rp/2016] // Visnyk Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy, 2016, № 6, stor. 9.

Рішення КСУ від 31 березня 2015 року № 2-рп/2015 // Вісник Конституційного Суду України, 2015, № 3, стор. 16. // **Rishennia KSU vid 31 bereznia 2015 roku № 2-rp/2015** [Decision of the Constitutional Court of March 31, 2015 № 2-rp / 2015] // Visnyk Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy, 2015, № 3, stor. 16.

Семенко, С. Психологічні особливості процесу доказування у справах, порушених за скаргою потерпілого / С. Семенко // Європейські перспективи № 2 ч.1, 2012. – с. 158–162. // **Semenko, S.** Psykholohichni osoblyvosti protsesu dokazuvannia u spravakh, porushenykh za skarhoiu poterpiloho [Psychological peculiarities of the process of proof in cases brought under the complaint of the victim] / S. Semenko // Yevropeiski perspektyvy № 2 ch.1, 2012. – s. 158–162.

Ухвала КСУ від 10 листопада 2015 року № 46-у/2015 // Вісник Конституційного Суду України, 2016, № 1, стор. 51. // Ukhvala KSU vid 10 lystopada 2015 roku № 46-u/2015 [Decree of the Constitutional Court dated November 10, 2015, No. 46-y / 2015] // Visnyk Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy, 2016, № 1, stor. 51.

Allen, R., Jehl, S. “Burdens of Persuasion in Civil Cases: Algorithms v. Explanations” / R. Allen, S. Jehl. – Michigan State Law Review, 2003. - № 4. – P. 893–944

“Inference to the Best Explanation”, in *Legal Evidence and Proof: Statistics, Stories and Logic* / H. Kaptein,

H. Prakken, and B. Verheij (eds.), Burlington: Ashgate, - P. 135–159.

MacCrimmon, M. “What is “Common” about Common Sense?: Cautionary Tales for Travelers Crossing Disciplinary Boundaries” / MacCrimmon, M. – Cardozo Law Review, 2001–2002. - P. 1433–1460.

The Legal Concept of Evidence // Stanford Encyclopedia of Philosophy. - First published Fri Nov 13, 2015 <<https://plato.stanford.edu/entries/evidence-legal>> (2018, 06, 05).